

DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.047

М. В. СероваУДК 821.161.1-14 Ахматова + 808.1 + 392 *Удмуртский государственный университет*
Ижевск, Россия

СЕМАНТИКА НОВОГО ГОДА В ПОЭЗИИ АННЫ АХМАТОВОЙ

В статье рассматривается семантика Нового года в общем контексте лирики Ахматовой. Автор задается целью уточнить значение этого события в свете осмысления автором не только личной судьбы, которую поэт связывает с влиянием на нее календарного цикла. Лирическая героиня поэзии Ахматовой чувствительно воспринимает календарный «сдвиг», результатом которого стало появление в России особого праздника — «Старый Новый год», что расширило период святочного карнавала, соединив при этом два Сочельника, отличавших Рождество Христово от Богоявления. В сознании лирической героини это наложило отпечаток на восприятие всей русской «праздничной» жизни. Этот психологический сюжет сопровождается трагическим эмоциональным фоном, где воспроизводятся события любого праздника, особенно Нового года как обещания «нового горя» — новой череды человеческих жизней, приносимых в жертву Танатосу в разных его ипостасях. Героиня Ахматовой постоянно ощущает себя в страшном для нее святочном хронотопе, в центре которого располагается Новый год. В славянской традиции святочный ритуал предполагал обряд «игры в покойника». Эта фольклорная традиция отразилась в ранней лирике Н. Гумилева, предопределив сюжет праздника мертвых в «Новогодней балладе», и первой части «Поэмы без героя» А. Ахматовой. Новогодняя семантика пропитана в этой художественной системе эсхатологическим смыслом в понимании динамики как личного существования, так и всей истории «некалендарного XX века». В исследовании представлена тематическая подборка текстов, не привлекавшая ахматоведов в этой связи (в том числе и тексты, не вошедшие в основные сборники). Сделанный отбор с сопровождающей его интерпретацией позволяет глубже проникнуть в сложную символическую структуру психологии личности Серебряного века, которой пришлось пережить глобальные исторические катаклизмы и искать им если не рационально-логическое, то иррационально-мистическое объяснение. Ахматова, всегда чувствительная к датам, на этом уровне пыталась мучительно понять трагический «ребус бытия».

Ключевые слова: календарный цикл; ритуал; праздничная обрядность; Новый год; космогония; судьба; жизнь; смерть.

Цитирование: *Серова М. В.* Семантика Нового года в поэзии Анны Ахматовой. DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.047 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 66–74.

Поступила в редакцию 12.06.2019

Принята к печати 17.07.2019

Marina V. Serova

Udmurt State University
Izhevsk, Russia

NEW YEAR SEMANTICS IN ANNA AKHMATOVA'S POETRY

This article examines New Year semantics in the context of Anna Akhmatova's lyrical poetry. The author aims to define the meaning of this event in the context of the author's conceptualisation going beyond Akhmatova's personal destiny which she regards as affected by the calendar cycle. Akhmatova's lyrical heroine is sensitive to the calendar shift which resulted in the emergence of a peculiar Russian holiday, the so-called "Old New Year". It extended the period of Christmas carnival, thus combining two Christmas Eves which had distinguished Christmas from Epiphany. This affected the poet's lyrical heroine's perception of all Russian festive life. This psychological plot is accompanied by a tragical emotional background reproducing any holiday events, especially those of the New Year perceived as an omen of "new grief" and new human lives sacrificed to Thanatos in his different guises. Akhmatova's heroine constantly perceives herself as being in Christmas Eve chronotope scary for her with the New Year in its centre. In the Slavic tradition, there existed a Christmas Eve ritual of "playing dead". This folklore tradition was reflected in Nikolay Gumilyov's early poetry, having predetermined the "feast day of the dead" plot in the *New Year's Ballad* and the first part of the *Poem without a Hero* by Akhmatova. New Year semantics is permeated in this artistic system with eschatological sense in understanding dynamics both as personal existence and the entire history of the "split twentieth century". The article considers a thematic selection of Akhmatova's texts which have not been studied by researchers in this connection (including texts not to be found in her major collections). This selection accompanied by its interpretation makes it possible to look deeper into the complex symbolic structure of the psychology of a representative of the Silver Age who had to live through a number of global historical cataclysms searching for irrational and mystical explanations if not rational and logical ones. On this level, Akhmatova, who had always been sensitive to dates, painfully tried to solve the tragic riddle of being.

Key words: calendar cycle; ritual; festive ritualism; New Year; cosmogony; destiny; life; death.

Citation: Serova, M. V. (2019). Semantika Novogo goda v poezii Anny Akhmatovoi [New Year Semantics in Anna Akhmatova's Poetry]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 3 (190), 66–74. doi: 10.15826/izv2.2019.21.3.047

Submitted on 12 June, 2019

Accepted on 17 July, 2019

На сегодняшний день поэзия Анны Ахматовой достаточно хорошо изучена. Из богатой ахматоведческой традиции хочется в данном случае вспомнить статью О. Симченко, где раскрывается магистральная для Ахматовой тема памяти [Симченко, с. 507–508], исследования В. Н. Топорова, изучавшего ритуальный аспект творчества Ахматовой [Топоров, с. 16]. Л. Г. Кихней нашла продуктивный

ключ к «Поэме без героя» через мотив святочного гадания на зеркале [Кихней, с. 30]. Так или иначе, через систему фольклорно-мифологического сознания осмыслял лирику Ахматовой в своей монографии В. В. Мусатов [2016].

И все же в ритуально-мифологическом прототексте поэзии Ахматовой можно обнаружить аспекты, оставшиеся вне поля зрения исследователей. Обратимся к одному из них — так называемой «праздничной» стороне жизни в ахматовском мире, — для того чтобы глубже понять специфику мироощущения как лирической героини, так и самого автора.

В первом лирическом фрагменте цикла «Эпические мотивы» (1913) лирическая героиня следующим образом отражает свое изначальное отношение к жизни: «Так дивно знала я земную радость / И праздников считала не двенадцать, / А столько, сколько было дней в году» [Ахматова, 1990, с. 158], тем самым определяя психологические ритмы своего существования минимальной календарной единицей — днем, не ориентируясь на общую календарную обрядность.

Традиционная славянская праздничность во всем ее многообразии, хотя Ахматова, как свидетельствуют биографы [Найман, с. 29], всякий раз стремилась обратить внимание на свое «купальское» происхождение, мистифицируя дату праздника личного рождения, отражена в ее поэзии на удивление фрагментарно, хотя отношение к ней выражено вполне определенно. В пример можно привести одну социально-бытовую зарисовку, ярко отражающую общерусскую праздничную ментальность, в основе которой лежит трагический компонент. Это стихотворный фрагмент 1930-х гг.:

Я знаю, с места не сдвинуться
Под тяжестью Виевых век.
О, если бы вдруг откинуться
В какой-то семнадцатый век.
С душистою веткой березовой
Под Троицу в церкви стоять,
С боярынею Морозовой
Сладким медок попивать,
А после на дровнях в сумерки
В навозном снегу тонуть...
Какой сумасшедший Суриков
Мой последний напишет путь?

[Ахматова, 1990, т. 1, с. 256]

«Рождественское» стихотворение 1921 г. дополняет этот жанровый контекст, при помощи фигуры умолчания указывая на драматический финал весьма чтимого в России праздника:

Пива светлого наварено,
На столе дымится гусь...
Поминать царя да барина

Станет праздничная Русь —
Крепким словом, прибауткою
За беседою хмельной;
Тот — забористою шуткою,
Этот — пьяною слезой.
И несутся речи шумные
От гульбы да от вина...
Порешили люди умные:
— Наше дело — сторона.
[Ахматова, 1990, т. 2, с. 37]

Что касается Нового года, от которого принято ожидать перемен к лучшему, в поэзии Ахматовой это страшный перелом не только в личной, но и в общенародной судьбе. Традиционное русское пожелание — «С Новым годом! С Новым счастьем!» — трансформируется в ее опыте в перверсивную формулу: «С Новым Годом! С Новым горем!». И это раскладывается уже не сменой радостно ожидаемых дней, как это было в «Эпических мотивах», а определяется не зависимой от нее сменой годовичного цикла, влекущей за собой дурную повторяемость человеческих смертей. В цитируемом стихотворении он представлен как кровавая жатва на фоне пляски «кривоватого, горбатого, дикого» «озорника», в котором персонифицирован «праздник». Это стихотворение января 1940 г.:

С Новым годом! С Новым горем!
Вот он пляшет, озорник,
Над балтийским дымным морем,
Кривоват, горбат и дик.
И какой он жребий вынул
Тем, кого застенок минул?
Вышли в поле умирать.
Им светите, звезды неба!
Им уже земного хлеба,
Глаз любимых не видать.
[Ахматова, 1990, т. 1, с. 257]

Мотив «нового горя», приуроченный к личному мифу о счастливом рождении накануне Ивана Купала, звучит в стихотворении, написанном 7 июля 1959 г.:

Что нам разлука? — Лихая забава.
Беды скучают без нас.
Спьяну ли ввалится в горницу слава,
Бьет ли тринадцатый час?
Или забыты, забиты, за... кто там
Так научился стучать?
Вот и иди мне обратно к воротам
Новое горе встречать.

[Там же, с. 246]

«Тринадцатый час» — это момент неизбежной смерти. Ср. со стихотворением из «Заветной тетради», откуда взят вышеприведенный фрагмент:

Вы меня, как убитого зверя,
На кровавый подымите крюк,
Чтоб хихикая и не веря,
Иноземцы бродили вокруг
И писали в почтенных газетах,
Что мой дар несравненный угас,
Что была я поэтом в поэтах,
Но мой пробил тринадцатый час.

[Ахматова, 1990, т. 1, с. 247]

На перверсии «горе — счастье», «разлука — забава», в целом формирующей семантическое поле «обмана», реализуется сюжет встречи Нового года в стихотворении из «Итальянского дневника» (декабрь 1964 г.):

Мы по ошибке встретили год —
Это не тот, не тот, не тот...
Что мы наделали, Боже, с тобой,
С кем мы еще поменялись судьбой?

[Ахматова, 1990, т. 2, с. 80]

Сложные отношения человека порубежной эпохи с событием наступления Нового года применительно к постреволюционному периоду можно объяснить календарным сдвигом на *тринадцать* дней, в результате которого русская календарная обрядность обрела оксюморонное понятие — Старый Новый год. До этого сдвига календарный ритм русской жизни осуществлялся по закономерной логике: сначала Рождество Христово, которое совпадало с европейским (с 24 на 25 декабря) — в эту ночь отмечался Рождественский сочельник, — потом Святочная неделя, которая, как известно, приходится на период от Рождества до Крещения (6 января по старому стилю праздновался Крещенский Сочельник, ныне отмечаемый как Рождественский). И только по завершении всего русского карнавала, в основе которого, по Бахтину, лежит принцип переворачивания мира, наступал Новый год как новый виток в системе летоисчисления от Рождества Христова. Вспомним название последней книги из пятикнижия Ахматовой «Anno Domini XXI».

Именно поэтому Ахматова, как писал В. В. Мусатов [2016, с. 571], была озабочена идеей восстановления масштабов исторического времени. Об этом писал и В. Муравьев:

Для тех, кто близко общался с Ахматовой, было понятно значение этого общения и значение ее существования — это было восстановление масштаба. Поэзия всегда занимается тем, что восстанавливает значение жизни. Мы это значение в быту теряем. Теряем, растрчиваем, затираем, если угодно. А поэзия его восстанавливает. Любой жизни, даже обыденной. Ахматова, если угодно, жила в другом эоне, в другом, как выражается Бахтин, хронотопе [Муравьев, с. 63].

В общем, делом последних лет ее жизни <...> делом, которое делалось каждый день, ежедневно, ежечасно, было восстановление масштабов человеческого существования. Масштабов совершенно мистифицированных и потерянных [Муравьев, с. 70].

Конечно, Ахматовой было исключительно важно сознавать, что пока еще мы живем в эпоху *Anno Domini*, а значит, как пишет В. Муравьев, «каждое мгновение нашей истории происходит в “Лето Господне”». Так что можно сказать, что мы живем в христианскую эпоху, в том зоне, центральные события которого евангельские, ничего не поделаешь. Да и другие события соотносятся с ними и даже стилизуются под них» [Там же].

Историческое смещение календарной цикличности не могло не сказаться на глубоко символическом мышлении личности Серебряного века, не могло не восприниматься как космогонический сдвиг, влекущий за собой катастрофические последствия:

...год более, чем просто символ; он как бы служит прототипом всех циклических процессов (дня, отрезка человеческой жизни, подъема и заката культуры, космического цикла и т. д. <...>). Существовало первобытное верование, что каждый человек проходит процесс регенерации с декабря по июнь; этот процесс символизирует смерть и возрождение [Кэрлот, с. 143–144].

В «Прозе о поэме» Ахматова писала, что именно «ощущение Канунов, Сочельников — ось, на которой вращается вся вещь» [Ахматова, 1998, т. 3, 232], первая часть которой называется «Девятьсот тринадцатый год», на которую представлен взгляд «из года сорокового» [Там же, с. 40]. Поэтому вполне закономерно привлечение в качестве одного из автоэпиграфов стихотворения «Новогодняя баллада» («Отчего мои пальцы словно в крови...»), расширяющего сюжет поэмы до всего лирического контекста, в котором присутствует мотив прихода мертвых (ср.: «Заболеть бы как следует...»).

Жанровые (балладные) истоки этого мотива очевидны. Но прежде чем прикоснуться к их более глубинному, архаическому пласту, обратим внимание на тот факт, что святочные сочельники («Были Святки кострами согреты») происходят на фоне старой календарной традиции (до 1917 г.), а дата первого посвящения 27 декабря 1940 г., соотносимая со второй годовщиной гибели Мандельштама, очевидно, приводится по новому стилю. Таким образом, в «новогодней» поэме накладываются друг на друга две календарные парадигмы — старая и новая.

Кульминационным событием первой части является приход ряженных — мертвых теней, надевших на себя разные культурные маски: «Этот Фаустом...».

Ряженье в общеславянской (и не только) святочной традиции — самая важная часть карнавального действия. В народе в качестве основных ряженных персонажей выступали поп, солдат, медведь и т. п. Интересен до сих пор бытующий в некоторых областях (например, в бывшей Тверской губернии) обряд переодевания (игры) в покойника. Обратимся к специальному исследованию:

Игра в покойника в своем наиболее развернутом варианте включает в себя внос покойника; отпевание его ряженым «попом»; оплакивание его маскированными плакальщицами или девушками из зрителей; прощание с ним девушек, подводимых (нередко насильственно) ряжеными, и целование ими покойника; оживление покойника; обегание им зрителей (иногда хватание девушек). «Оживление» покойника поцелуями «прощающихся» девушек [Лурье, с. 34–35].

В ранней лирике Н. С. Гумилева («Высоты и бездны») есть стихотворение, в котором юный поэт представляет свои торжественные похороны. Условно говоря, литературно «переодевается» в святочного «умруна»:

И я из светлого эфира,
Припомнив радости свои,
Опять вернулся в грани мира
На зов тоскующей любви.
И я раскинулся цветами,
Прозрачным блеском звонких струй,
Чтоб ароматными устами
Земным вернуть их поцелуй.

[Гумилев, т. 1, с. 34]

Таким образом, можно предположить, что стихотворение Гумилева, где представлена смерть воскресшего поэта в ореоле романтической идеи бессмертия, в глубине опирается на ритуально-обрядовую традицию, оглядка на которую, возможно, сказала и в «Новогодней балладе» Ахматовой, предопределив приход ряженных к одинокой героине «Поэмы без героя», постоянно ощущающей себя в страшном для нее святочном хронотопе: «С детства ряженных я боялась...».

Но если ритуал — дело коллективное («Смешно, потому не страшно»), то для ахматовской героини это еще и хронотоп пустоты и изоляции в череде повторяющихся коллективных игрищ в смерть без воскрешения. В позднем четверостишии, не вошедшем в основные сборники, она констатирует свой одинокий статус по отношению к «празднику» жизни:

Пустые белые святки!
Мети метель! Мети!
И пусть дороги гладки,
Мне некуда идти.

[Ахматова, 1990, т. 2, с. 26]

«Новогодний текст» А. Ахматовой отражает сложную символическую структуру психологии личности Серебряного века, которой пришлось пережить глобальные исторические катаклизмы и искать им если не рационально-логическое, то иррационально-мистическое объяснение. Такое мироощущение в целом характеризует трагический психотип личности XX в., который Ахматова очень точно определила как «некалендарный», хотя и гордилась тем, что «жила в те годы и видела события, которым не было равных» [Ахматова, 1990, т. 1, с. 20].

Источники

- Ахматова А. Сочинения : в 2 т. / под общ. ред. Н. Н. Скатова ; сост., подгот. текста М. М. Кралина. М. : Правда, 1990.
- Ахматова А. Собрание сочинений : в 6 т. / сост., подгот. текста, коммент., ст. Н. В. Королевой. М. : Эллис Лак, 1998–2002.
- Гумилев Н. С. Собрание сочинений : в 4 т. / под ред. проф. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. М. : «Терра» — «Terra», 1991.

Исследования

- Кихней Л. Г. Мотив святочного гадания на зеркале как семантический ключ к «Поэме без героя» Анны Ахматовой // Вестн. МГУ. Сер. 9 : Филология. 1996. № 2. С. 27–37.
- Кэрлот Х. Э. Словарь символов. М. : REFL-book, 1994.
- Лурье М. Л. «Страшно, но и ничего, потому что шутки» (Персонажи ряженья Торопецкого района) // Живая старина. 1995. № 2. С. 34–37.
- Муравьев В. Воспоминания об Анне Ахматовой // Анна Ахматова: последние годы. Рассказы-вают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова / сост., коммент. О. Е. Рубинчик. СПб. : Невский Диалект, 2001. С. 11–29.
- Мусатов В. В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М. : Азбуковник, 2016.
- Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой : Из кн. «Конец первой половины XX века». М. : Худож. лит., 1989.
- Симченко О. Тема памяти в творчестве Анны Ахматовой // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Т. 44. № 6. С. 506–517.
- Топоров В. Н. «Поэма без героя» в ритуальном аспекте // Анна Ахматова и русская культура начала XX века : тез. конф. / [редкол. В. В. Иванов и др.]. М. : [б. и.], 1989. С. 15–21.

References

- Kerlot, J. E. (1994). *Slovar simvolov* [Dictionary of Symbols]. Moscow: REFL-book. (In Russian)
- Kikhney, L. G. (1996). Motiv svyatochnogo gadaniya na zerkale kak semanticheskii klyuch k "Poeme bez geroya" Anny Akhmatovoy [The Motif of Christmas Eve Fortune-telling with the Help of a Mirror as a Semantic Key to *Poem without a Hero* by Anna Akhmatova]. *Vestnik MGU. Ser. 9 Filologiya*, 2, 27–37. (In Russian)
- Lurye, M. L. (1995). "Strashno, no i nichego, potomu chto shutki" (Personazhi ryazhenia Toropetskogo rayona) ["Spooky but That is All Right Because it is not True" (Christmas Eve Tipteeners of Toropetsky District)]. *Zhivaya starina*, 2, 34–37. (In Russian)
- Muravyev, V. (2001). Vospominaniya ob Anne Akhmatovoy [Memoirs about Anna Akhmatova]. In O. E. Rubinchik (Comp.), *Anna Akhmatova: Posledniye gody. Rasskazyvayut Viktor Krivulin, Vladimir Muravyev, Tomas Venclova* [Anna Akhmatova: Last Years. Told by Viktor Krivulin, Vladimir Muravyev, Tomas Venclova] (pp. 11–29). St Petersburg: Nevsky dialect. (In Russian)
- Musatov, V. V. (2016). *Pushkinskaya traditsiya v russkoy poezii pervoy poloviny XX veka* [Pushkin Tradition in the Russian Poetry of the Early 20th Century]. Moscow: Azbukovnik. (In Russian)
- Naiman, A. (1989). *Rasskazy o Anne Akhmatovoi : Iz kn. "Konets pervoy poloviny XX veka"* [Stories about Anna Akhmatova: From the Book "The End of the Early 20th Century"]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
- Simchenko, O. (1985). Tema pamyati v tvorchestve Anny Akhmatovoi [The Topic of Memory in Anna Akhmatova's Creative Work]. *Izvestia AN SSSR. Seriya literatury i iazyka*, 44(6), 506–517. (In Russian)
- Toporov, V. N. (1989). "Poema bez geroia" v ritualnom aspekte [*Poem without a Hero* in the Ritual Aspect]. In V. V. Ivanov et al. (Eds.), *Anna Akhmatova i russkaja kultura nachala XX veka: tezisyy*

konferentsii [Anna Akhmatova and the Russian Culture of the Early 20th Century: Conference Abstracts] (pp. 15–21). Moscow: [s. n.]. (In Russian)

Серова Марина Васильевна

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры истории русской
литературы и теории литературы
Удмуртский государственный университет
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: serova1967@inbox.ru

Serova, Marina Vasilyevna

Dr. Hab. (Philology), Associate Professor,
Professor, Department of Russian Literature
and Literary Theory
Udmurt State University
1, Universitetskaya Str., 426034 Izhevsk,
Russia
Email: serova1967@inbox.ru